

005002262

На правах рукописи

Окунев Игорь Юрьевич

**МОДЕЛИРОВАНИЕ
ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ
МИКРОГОСУДАРСТВ И ТЕРРИТОРИЙ ОКЕАНИИ**

Специальность 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

17 НОЯ 2011

Москва

2011

Работа выполнена на кафедре сравнительной политологии факультета политологии Московского государственного института международных отношений (Университет Министерства иностранных дел Российской Федерации).

Научный руководитель: доктор политических наук, профессор
Ильин Михаил Васильевич

Официальные оппоненты: доктор политических наук, доцент
Туровский Ростислав Феликсович

кандидат исторических наук, доцент
Патрушев Сергей Викторович

Ведущая организация: **Институт географии РАН**

Защита состоится «15» декабря 2011 г. в 13.00 часов на заседании Диссертационного совета по политическим наукам Д 209.002.02 Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России адресу: 119454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени И.Г.Тюли Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России и на сайте www.mgimo.ru.

Автореферат разослан «2» ноября 2011 г.

и.о. Ученого секретаря
Диссертационного совета

д.полит.н. Т.А. Шаглеина

I. Общая характеристика работы

Современный политический ландшафт Океании во многом выглядит как мир в миниатюре. В Океании в уменьшенном масштабе воспроизводятся почти все основные тенденции и черты современного мира. Здесь мы встречаем и удивительное разнообразие типов политического устройства, и многочисленные конфликты различного свойства, и интеграционные процессы, и традиционные для всего мира вызовы устойчивому развитию. Встретим мы здесь и несамоуправляющиеся территории, и самопровозглашенные государства, и территориальные конфликты. Австралийская исследовательница Х. Уэйр остроумно замечает, что тихоокеанский регион в последнее время перестал быть таким уж «тихим»¹. Возможно, все это должно сделать этот далекий и таинственный регион нам ближе и понятнее.

Предлагаемая работа посвящена моделированию пространственных факторов развития микросоциальных и территорий Океании. В работе разработан и апробирован метод исследования политических процессов на основе моделирования влияния пространственно-обусловленных характеристик на данные процессы и выделения закономерностей подобного влияния. В качестве региона апробации метода выбрана Океания, представляющая собой относительно замкнутую региональную подсистему микросоциальных и зависимых территорий, максимально подходящую для выявления взаимозависимостей между пространственными факторами и политическим развитием.

Актуальность темы исследования

Определить границы самого таинственного и далекого региона мира – Океании – довольно сложно. Традиционно под Океанией понимается группа островов южной части Тихого океана². В водах Тихого океана разбросано 11 суверенных государств и 10 несамоуправляющихся территорий Великобритании, Франции, США и Новой Зеландии. Однако иногда в Океанию включают также и другие острова центральной и западной частей Тихого океана³. Однако географически, этнографически и исторически именно

¹ Ware H. Demography, migration and conflict in the Pacific // Journal of peace research. – L., 2005. – Vol. 42, № 4. – P. 435.

² Этот регион включает 21 территорию, объединяющую более 10 тысяч островов, которые зачастую по этнографическому принципу делят на Меланезию (юго-восточная часть Океании, наиболее близкая к материи: Соломоновы острова, Вануату, Фиджи и Новая Каледония), Микронезию (северо-восточная часть Океании: Палау, Федеративные Штаты Микронезии, Маршалловы острова, Северные Марианские острова, Гуам, Науру и Кирибати) и Полинезию (восточная часть Океании: Тувалу, Уоллис и Футуна, Тонга, Токелау, Самоа, Американское Самоа, Ниуэ, Острова Кука, Французская Полинезия и Питкэрн).

³ Таким образом, можно говорить о «Большой Океании», включающей помимо названных территорий также всю островную Индонезию, Папуа-Новую Гвинею, Восточный Тимор, Филиппины, Австралию, Новую

«традиционная Океания» представляется наиболее цельным регионом, поэтому в данной работе мы ограничиваемся изучением политического устройства «традиционной Океании».

Современная Океания сталкивается с целым рядом вызовов устойчивому развитию, среди которых отметим следующие: сохраняющийся конфликтный потенциал (в первую очередь, сепаратистских и антиправительственных движений и территориальных претензий), недифференцированность национальных экономик и их зависимость от импорта энергоносителей, быстрый рост численности населения и неконтролируемая миграция, регулярные природные катаклизмы, особенно, подводные землетрясения и вызываемые ими цунами и глобальное потепление, грозящее в силу повышения уровня мирового океана погрузить многие острова региона под воду.

Научная актуальность работы определяется тем, что современные методы эмпирического моделирования влияния пространственных факторов на политические процессы получают все большее развитие и признание вслед за переосмыслением содержания политико-географических исследований, в частности, под влиянием развития критических и посткритических направлений в геополитике. Обращение к Океании позволяет на новом эмпирическом материале внести коррективы в существующие научные концепции развития государства.

Практическая актуальность работы определяется повышающимся значением средних, малых и микросоциальных в международной системе. Оно проявляется, в первую очередь, в их активизации в организациях «семьи ООН» и региональных интеграционных организациях. Актуальность обращения к Океании объясняется повышением значимости Азиатско-Тихоокеанского региона в международных отношениях и активизацией российской внешней политики на данном направлении.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования является *развитие государства* как политический процесс, реализующийся на макроуровне, т.е. процесс воспроизводства политической системы под влиянием суммы действующих на нее факторов различного рода, масштаба и интенсивности.

Предметом исследования являются пространственные факторы развития государства, т.е. факторы, которые различаются (дифференцируются) в пространстве. Пространственные (геополитические) факторы трактуются в работе широко, они противопоставляются временным (хронополитическим). Благодаря этому, достигается цель изучения максимально возможного числа факторов влияния на политическое развитие. В объектах, обладающих и

Зеландию, Гавайские острова и другие северо-тихоокеанские территории США, и даже чилийский остров Пасхи.

пространственными и временными свойствами, акцент делается на изучение пространственных свойств. При этом акцент также делается не на анализе только свойств положения объекта в пространстве, имманентно ему присущих («вертикальная обусловленность»), а на анализе его отношений с положениями других объектов в пространстве, т.е. на анализе пространственных связей («горизонтальная обусловленность»). Таким образом, в работе анализируется влияние геополитических (статических) характеристик на хронополитические (динамические) характеристики.

Цели и задачи исследования

Цель исследования состоит в эмпирическом анализе развития микросоударств и территорий Океании на основе выделения и изучения пространственных факторов влияния на их политические процессы, а также интеграции этих факторов в единую системную модель, характеризующую роль пространства в развитии микросоударств и территорий Океании.

Достижение поставленной цели исследования предполагает решение следующих задач.

1. Анализ современных геополитических подходов к изучению пространственных факторов развития государства.
2. Выделение пространственных факторов развития микросоударств и территорий Океании.
3. Формализация модели влияния пространственных факторов развития микросоударств и территорий Океании.
4. Эмпирическая верификация модели влияния пространственных факторов развития микросоударств и территорий Океании посредством выделения и анализа характерных случаев подобного влияния.

Необходимо заметить, что хотя исследование направлено, в основном, на Океанию, разработанная модель и методика носят достаточно универсальный характер и могут быть использованы для исследования влияния пространственных факторов на политические процессы и в других регионах мира.

В работе системно анализируются взаимосвязи пространственных факторов и определяется, как данные взаимосвязи соотносятся с различными показателями развития государства. На наш взгляд, основной механизм влияния пространственных факторов на политическое развитие состоит в ограничении числа сценариев и инструментов развития, однако, подтверждение данной гипотезы требует отдельного исследования.

Методологическая и теоретическая основа исследования

В основу работы положено два принципиальных теоретико-методологических подхода. Первый связан с концепцией многомерности и многозначности политических институтов и процессов, с взаимной обусловленностью пространственных – и не только пространственных – факторов развития государств. Второй подход связан с признанием познавательной ограниченности идеальных конструкций разного рода (абстрактных идей, категорий, идеальных типов и т.п.), неполнотой их объяснительных возможностей, а значит, и с необходимостью эмпирической оценки степени фактической действенности тех или иных факторов развития государств в конкретных условиях.

Первый подход – называемый методологией взаимообусловленности – используется сторонниками ряда методологических школ и направлений. Среди них можно упомянуть, например, качественный сравнительный анализ (QCA), который исходит из взаимообусловленности или, как говорят представители данного направления, мультиконъюнктурной (множественной сочетаемостной) причинности (Multiple Conjunctural Causation) социальных и политических явлений.

Принципы и конкретные методики оценки набора взаимовлияющих факторов или условий были первоначально предложены Чарльзом Рагиным, который и ввел название качественный сравнительный анализ (QCA)⁴. Впоследствии при участии самого Ч. Рагина и других исследователей (Рину Б., Де Мёр Ж., Берг-Шлоссер Д., Конквист Л.) были созданы несколько разновидностей методологии КСА, в частности, КСА четких множеств (csQCA), КСА размытых множеств (fsQCA), многозначный КСА (mvQCA) и т.п.

Семейство данных методов позволяет исследовать одновременно набор казусов, уделяя при этом внимание как факторам, определяющим специфику того или иного примера, так и его составным частям, причем как в исторической перспективе, так и в нынешнем состоянии.

В силу чисто практических соображений в данном исследовании не целесообразно использовать ни одну из разновидностей качественного сравнительного анализа. Однако его принципы позволяют предложить собственную модификацию методологии взаимообусловленности или «мультиконъюнктурной причинности» для изучения пространственных факторов развития, также слабоконструируемой и опосредованной системы причин и взаимосвязей. Принципы взаимообусловленности пространственных

⁴ Ragin C. The comparative method. Moving beyond Qualitative and quantitative strategies. – LA. University of California Press, 1987.

факторов получают все больший отклик в науке в результате усилий представителей так называемой критической геополитики (Тоал Дж., Дэлби С., Энью Дж., Доддс К., Дальман К.). В работе была предпринята попытка соединить отдельные методологические находки качественного сравнительного анализа и критической геополитики, разработан собственный методологический алгоритм, заключающийся в анализе взаимозависимостей между факторами на основе выявления обуславливающих и обусловленных связей и определения их интенсивности.

Второй подход – называемый методологией эмпирического моделирования – подразумевает изучение реальности посредством построения ее упрощенных образов и при соблюдении правил проведения данной процедуры. Моделирование в политической науке сходно с экспериментом в точных науках⁵. Важным преимуществом метода моделирования является возможность неограниченного повторения эксперимента при широком манипулировании параметрами изучаемой системы. В работе на основе гипотезы, формализованной в виде модели, собираются и интерпретируются данные о пространственных факторах развития микросоциальных и территорий Океании с акцентом на характерные случаи. Таким образом, верифицируется макромоделю взаимозависимостей пространственных факторов развития государства – абстрактное, широкое и оптимизированное представление политических процессов, применимое в последующем не только к изучаемому региону. Применение данного метода требует прохождения трех стадий: логико-интуитивный анализ, формализацию и верификацию, предпринятые в работе. На логико-интуитивной стадии при помощи традиционных исследовательских приемов (логических сравнений, оценки и сортировки данных) в работе выделены и систематизированы пространственные факторы политического развития. Для выделения пространственных факторов политического развития выбрана за основу методология анализа размежеваний на различных географических уровнях (слоях), предложенная М.В. Ильиным. При формализации модели был проведен экспертный опрос, позволивший установить взаимозависимости между факторами и представить модель в графической форме. При верификации модели определяется, насколько совокупность факторов, зафиксированная во взаимосвязи с операционализирующей их гипотезой, отвечает критериям полноты, компактности, непротиворечивости и экспликативности. Для этого в работе сравниваются вытекающие из модели выводы с выводами, полученными в результате квантификации политического процесса в рамках различных объективных (построенных не на экспертной, а

⁵ Боришполец К.П. Методы политических исследований: уч. пособие. – М. Аспект Пресс, 2005. – С. 89-113.

на статистической информации) индексов «развития государства», а также анализа характерных случаев политического развития для сравнения их с полученной моделью. Это подтверждает использование именно эмпирического моделирования, а не нормативного, как методологии, выстраивающей модель на основе гипотезы, справедливость которой доказывается путем сбора и обработки фактологического материала и предполагающей преобладание индукции при формулировании итоговых заключений.

Теоретической основой работы послужили развивающиеся в политической науке в целом и в геополитике, в частности, конструктивистские направления, соединяющие элементы модернистской (позитивистско-рационалистической) эпистемологии и постмодернистской (рефлексивистской) картины мира⁶. Такое соединение соответствует начавшемуся после появления постмодернистской критики процессу смены исследовательской парадигмы, который охватил социально-гуманитарные науки и дошел до геополитики. Подобное сочетание позволяет использовать отдельные наработки классической геополитики модерна, однако, ограничивает обращение к географическому детерминизму, природоцентризму и социальному дарвинизму, и значительно расширяет понимание пространственных аспектов политики за счет включения в проблемное поле исследовательских вопросов постмодернистской критической геополитики.

Степень научной разработанности темы

Основную литературу по теме работы можно условно разделить на несколько групп. Это, во-первых, работы критического и посткритического направления в геополитике западных авторов (Доддс К., Тоал Дж., Жан К., Савона П., Барнетт К., Мюррей Л., Галлахер К., Дальман К., Джилмартин М., Мунтц А., Ширлоу П., Гласснер М., Фахрер Ч., Келли П., Мюир Р., Пеинтер Дж., Джеффри А., Кокс К., Лоу М., Робинсон Дж. и др.).⁷ Во-вторых, работы российских исследователей, развивающихся в близком к критическому и посткритическому направлениям в геополитике и, в частности, посвященные

⁶ Формула А. Вендта, цит. по Казанцев А.А. «Конструктивистская революция», или о роли культурно-цивилизационных факторов в современной теории международных отношений // Политическая наука. – 2009. – № 4. – С. 106.

⁷ Barnett C., Murray L. Spaces of Democracy. Geographical Perspectives on Citizenship, Participation and Representation. – L.: SAGE Publications, 2004. Dodds K. Political geography III: critical geopolitics after 10 years // Progress in human geography. – 2001. – N. 3. – P. 469–484. Gallaher C., Dahlman K., Gilmartin M., Mountz A., Shirlow P. Key Concepts in Political Geography. – L.: SAGE Publications, 2009. Glassner M.I., Fahrer Ch. Political geography. – Hoboken: John Wiley and Sons, 2004. Kelly P. A critique of critical geopolitics // Geopolitics. – 2006. – N 1. – P. 24–53. Muir R. Political geography. A new introduction. – L.: Macmillan Press, 1997. O'Tuathail G. Understanding critical geopolitics: Geopolitics and risk society // Journal of strategic studies. – 1999. – N 2/3. – P. 107–124. Painter J., Jeffrey A. Political Geography. – L.: SAGE Publications, 2009. Robie D. Blood on their banner: nationalist struggle in the South Pacific. – L.: Zed Books, 1989. The SAGE handbook of political geography / Ed. by K. Cox, M. Low, J. Robinson. – L.: SAGE Publications, 2008.

пространственному анализу (Бусыгина И.М., Гладкий Ю.Н., Григорьев А.А., Жаде З.А., Замятин Д.Н., Ильин М.В., Казанцев А.А., Каледин Н.В., Колосов В.А., Мироненко Н.С., Трейвиш А.И., Туровский Р.Ф., Цымбургский В.Л., Чихарев И.А. и др.).⁸ Анализ данных двух групп работ дал методологическую основу для выделения пространственных факторов в развитии государства, а также позволил опираться на новейшие разработки (даже модифицирующие сущность научной дисциплины) в западной и российской геополитике. В-третьих, это работы, посвященные методологии моделирования в политической науке (Ахременко А.С., Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А., Боришполец К.П., Мельвиль А.Ю., Плутинский Ю.М., Янтманова М.Г., Голдштейн Дж., Пивихаус Дж., Роккан С. и др.).⁹ Данная группа позволила осуществлять формализацию и верификацию модели, опираясь на теоретические разработки и практический опыт ведущих исследований в этой области. В-четвертых, это работы, посвященные развитию микростат и территорий Океании, как зарубежных (Анкар Д., Финин Г., Висли-Смит Т., Фирт С., Вейле К., Даймонд Дж., Кист А., Бельвуд П., Бук П., Крокомб Р., Фленери Т., Гавман Т., Хейзел Ф., Хегарти Д., Мэй Р., Рейган А., Кирч П., Макдональд Б., Робин Д., Шварц Х., Стенли Д., Хилл А., Серьянтсон С., Торн А., Реймонд Р., Уэйр Х. и др.)¹⁰, так и российских авторов

⁸ Бусыгина И.М. Политическая география. Формирование политической карты мира: учеб. – М.: Проспект, 2010. Гладкий Ю.Н. Россия в лабиринтах географической судьбы. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. Григорьев А.А. Знаки и образы в географическом страноведении. – СПб.: Тесса, 2010. Жаде З.А. Геополитическое мироощущение как измерение политической реальности / Мировые процессы, политические конфликты и безопасность (отв. ред. Л.И. Никовской). – М.: РАН, РОССПЭН, 2007. Жан К., Савона П. Геоэкономика. Господство экономического пространства. – М.: МШПИ, 1997. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. – СПб.: Алтейя, 2003. Ильин М.В. Геохронополитика – соединение времен и пространств // Вестник МГУ. Политические науки. – 1997. – № 2. Ильин М.В. Геохронополитические членения (cleavages) культурно-политического пространства Европы и Евразии: сходства и различия // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. – М.: МОНФ, 1999. Ильин М.В. Российский Дальний Восток в геополитической системе координат Азиатско-Тихоокеанского региона // Россия и Корея в меняющемся мире. – М.: МОНФ, 1997. Казанцев А.А. «Конструктивистская революция», или о роли культурно-цивилизационных факторов в современной теории международных отношений // Политическая наука. – 2009. – № 4. – С. 88–114. Каледин Н.В. Политическая география – СПб.: СПбГУ, 1996. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география – М.: Аспект-Пресс, 2001. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. – М.: Новый хронограф, 2009. Туровский Р.Ф. Политическая география. – М., Смоленск: СГУ, 1999. Цымбургский В.Л. Остров России. Геополитические и хронополитические работы 1993–2006. – М.: РОССПЭН, 2007. Чихарев И.А. Проблематика политического пространства и времени в современной политологии и международных отношениях // Политическая наука. – 2009. – № 1. – С. 7–31.

⁹ Goldstein J. S., Pevehouse J.C. Principles of international relation. – NY.: Longman, 2009. Ахременко А.С. Политический анализ и прогнозирование: уч. пособие. – М.: Гардарики, 2006. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. – М.: НОФМО, 2002. Боришполец К.П. Методы политических исследований: уч. пособие. – М.: Аспект Пресс, 2005. Мельвиль А.Ю. Как измерять и сравнивать уровни демократического развития в разных странах? – М.: МГИМО, 2008. Янтманова М.Г. Системный анализ в исследованиях международных отношений: уч.-метод. пособие. – СПб.: СПбГУ, 2010. Rokkan S. State formation, nation building and mass politics in Europe. – Oxford: Oxford university press, 1999.

¹⁰ Ankar D. Democratic standard and performance in twelve pacific micro-states // Pacific affairs. – 2002. – N. 2. – P. 207–225. Ankar D. Westminster lilliputs? Parliaments in former small British colonies // Parliamentary affairs. – 2007.

(Аксенов А.А., Белоусов И.М., Беликов В. И. Николаев В.П., Игнатьев Г.М., Кузнецов А.В., Меликсетова И.М., Пучков П.И., Резников В.Л., Рубцов Б.Б., Свет Я.М. и др.).¹¹ Работы западных и российских исследователей Океании дали обширный фактологический материал по пространственным характеристикам региона в целом и его отдельных государств и территорий, а также по истории и современным тенденциям их политического развития.

Информационная база исследования

Помимо научных источников в работе также использовались энциклопедические данные по географии, истории и политическому устройству государств и территорий Океании (в т.ч. БСЭ, Encyclopedia Britannica, Энциклопедия ИМЭМО, Political Handbook of the World, Энциклопедия Дербишайров, интернет-энциклопедии), статистические источники по странам и территориям Океании (в т.ч. данные ПРООН, Всемирного банка, открытой базы данных ЦРУ США, Межпарламентского союза), результаты проекта МГИМО (У) МИД России «Политических атлас современности», а также результаты проведенного автором экспертного опроса.

Научная новизна исследования

Во-первых, в работе предпринята попытка постановки новой научной проблемы, заключающейся в интеграции данных о влиянии отдельных пространственно

– N. 4. – P. 637–654. Bellwood P. The Polynesians. L.: Thames and Hudson, 1987. Buck P. Vikings of the sunrise. – NY.: Whitcombe and toms, 1938. Crocombe R. The continuing creation of identities in the Pacific Islands: blood, behavior, boundaries and belief / Geography and national identity. Ed by D. Hooson. – Oxford, Cambridge: Blackwell, 1994. – P. 311–331. Finin G., Wesley-Smith T. Coups, conflicts and crises: the new Pacific way? – Race and class. – 2001. – N 4. – P. 4–20. Firth S. Sovereignty and independence in the contemporary Pacific // The contemporary pacific. – 1989. – N 1-2. – P. 75–76. Flanery T. The future eaters. – NY.: Braziller, 1995. Gavman T. Reminiscences from the Anglo-French Condominium of the New Hebrides. — Suva: Institute of Pacific Studies, University of the South Pacific, 2002. Hazel F. Strangers in their own land: a century of colonial rule in the Caroline and Marshall Islands. – Honolulu.: University of Hawaii Press, 1995. Hegarty D., May R., Regan A. Rebuilding state and nation in Solomon Islands: policy options for the regional assistance mission. – Canberra: Australian National University, 2004. Kirch P. The evolution of the Polynesian chiefdoms. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. Macdonald B. K. Cinderellas of the Empire: towards a history of Kiribati and Tuvalu. – Canberra.: Australian National University Press, 1982. Regan A. Current developments in the Pacific: causes and course of the Bougainville crisis. – Journal of pacific history. – 1998. – N 3. – P. 268–285. Schwartz H. Small states in the rear-view mirror: legitimacy in the management of economy and society // European Political Science. – 2010. – N 3. – P. 365–374. The colonization of the Pacific: a genetic trail / Ed. by A. Hill, S. Serjeantson. Oxford: Clarendon Press, 1989. Thorne A., Raymond R. The peopling of the Pacific. – North Ryde: Angus and Robertson, 1989. Ware H. Demography, migration and conflict in the Pacific // Journal of peace research. – 2005. – N 4. – P. 435–454. Wesley-Smith T. Self-Determination in Oceania // Race and class. – 2007. – N. 3. – P. 29–46. Вейле К. История человечества: Австралия и Океания. – СПб.: Полигон, 2004. Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ. – М.: АСТ, 2010. Кист А. Австралия и острова Тихого океана. – М.: Прогресс, 1980.

¹¹ Аксенов А.А., Белоусов И.М. Загадки Океании. – М.: Мысль, 1975. Беликов В. И., Николаев В. П. Тонга — последнее королевство в Океании. — М.: «Знание», 1991. Игнатьев Г.М. Тропические острова Тихого океана. — М.: Мысль, 1979. Кузнецов А.В. Микронезия — последняя подопечная территория. — М.: Знание, 1987. Меликсетова И.М. Новая Каледония. Прошлое и современность. М.: Главная редакция восточной литературы, 1968. Пучков П. И. Этническая ситуация в Океании. — М.: Наука, 1983. Резников В. Л. Политика кайзеровской Германии в Океании. — М.: Наука, 1975. Рубцов Б.Б. Океания. — М.: Наука, 1991. Свет Я.М. История открытия и исследования Австралии и Океании. — М.: Мысль, 1966.

дифференцированных факторов на развитие государства в единую модель влияния пространства на политические процессы на макроуровне. Это отличается от распространенных в политической географии и геополитике исследований влияния отдельных факторов (скажем, расселения населения или территориальной дифференциации полезных ископаемых) на развитие государств. В то же время это отличается и от традиционных для классической геополитики общих концепций мироустройства, в которых в совокупности факторов, детерминирующих международные отношения, выделяется имманентно ведущий фактор (например, морская или сухопутная сущность государства, его удаленность от узловых (срединных, сердцевинных) территорий). Работа продолжает исследования, начатые в рамках направления критической геополитики, отрицавшем возможность детерминации международных отношений одним из факторов, однако, в отличие от критической геополитики, обратившейся к анализу географических идей и воображения, в работе формализуется общая модель взаимодействия пространственных факторов, обуславливающих развитие государства, в которой в зависимости от условий и конкретной страны будет меняться состав определяющих факторов и соотношение между ними, однако, будут сохраняться общие принципы взаимодействия.

Во-вторых, в работе раскрываются новые закономерности протекания общественных процессов, поскольку из ряда факторов, влияющих на подобные процессы, выделяется группа пространственных факторов, являющихся фундаментальными для них.

В-третьих, в работе развивается предложенная М.В. Илыным методология, выделяющая пространственные факторы (уровни, слои) государства, и апробируется новая методология анализа взаимозависимостей между ними посредством построения унифицированной модели их влияния на развитие государства.

В-четвертых, в работе в качестве региона апробации метода выбран наименее исследованный в российской политической науке регион Океании, позволяющий наиболее ярко продемонстрировать некоторые пространственные закономерности развития и проанализировать особенности политического развития микространств.

Наконец, в-пятых, работа позволяет по-новому взглянуть на узловые для политической науки, в целом, вопросы государственной состоятельности, предлагая новые предмет исследования (микрополитии) и новую методологию (качественный сравнительный анализ факторов развития) при их изучении.

Теоретическая и практическая значимость работы

Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем углублении исследований пространственных факторов развития государства, в частности, при попытках построения универсальной модели влияния таких факторов на политические процессы, а также при изучении отдельных аспектов политики микрогосударств и территорий Океании.

Материалы и выводы работы также могут быть использованы представителями государственных структур, в первую очередь, Министерством иностранных дел РФ, в частности, при определении стратегии взаимоотношений с государствами и территориями Океании, а также с их бывшими и нынешними метрополиями (Великобританией, Францией, США, Германией, Японией, Австралией и Новой Зеландией). Отдельные аспекты могут быть полезны при разработке общих и специальных курсов по политической географии, геополитике и сравнительной политологии.

Апробация результатов исследования

Результаты работы апробированы, во-первых, в ходе работы Исследовательского комитета по геополитике Международной ассоциации политической науки (2009-11 гг.) и Исследовательской группы по политической географии и геополитике Молодежного отделения Российской ассоциации политической науки (2008-09 гг.), во-вторых, в ходе работы над проектом РГНФ «Формирование демоса в de facto государствах: легитимность и поддержка режима в Абхазии, Приднестровье и Нагорном Карабахе», в-третьих, в ходе преподавания курсов «Политическая география» и «Политология для экономистов» в МГИМО (У) МИД России и «Современные направления в западной геополитике» и «Формирование политической карты мира» в МГУ им. М.В. Ломоносова, в-четвертых, в докладах автора на конференциях и публикациях в рецензируемых научных изданиях, список которых приведен в конце автореферата.

Диссертация была обсуждена на кафедре сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России и рекомендована к защите.

II. Содержание работы

Во введении к работе обоснована актуальность темы исследования, обозначены объект и предмет исследования, сформулированы цель и задачи исследования, представлена структура работы, определены методологическая и теоретическая основа исследования, рассмотрена степень научной разработанности тематики исследования, перечислены группы

используемых источников, обоснованы научная новизна, практическая значимость работы, рассказано об апробации результатов исследования.

В первой главе «Анализ пространственных факторов развития микросоциальных и территорий Океании» анализируются последние тенденции развития западной геополитики как научной дисциплины, приведшие к сдвигу в исследовательской парадигме данной области знания, в том числе к появлению интереса к выделению и анализу пространственных факторов, обуславливающих политические процессы; приводится пример одной из методологий подобного анализа, разработанной М.В. Ильиным, и с использованием данной методологии выделяются пространственные факторы развития микросоциальных и территорий Океании.

Термин «критическая геополитика» появился в конце 1980-х годов для обозначения нового направления в англо-американской политической географии. Его появление тесно связано с деятельностью двух ученых Джерарда О'Тоала и Саймона Дэлби, и можно утверждать, что его появление было вполне закономерным: в конце периода холодной войны многие американские и европейские ученые чувствовали необходимость наконец осмыслить связь между идеями и политическими практиками, связанными с территориальным экспансионизмом и доминирующей ролью пространства. Критическая геополитика, в первую очередь, обвиняет приверженцев традиционного геополитического подхода в поверхностной трактовке политической карты мира, в европоцентризме, в оправдании милитаризации в послевоенный период, что привело к гонке вооружений в Европе и других регионах¹². Современная критическая геополитика отходит от традиционных для геополитики и неоправданных в современном мире бинарных (Запад-Восток, Север-Юг и т.д.) оппозиций и развивается с учетом современных тенденции к глобализации и информатизации, предлагая вместо бинарного объединяющий подход.

К концу 90-х, критическая геополитика превратилась в междисциплинарное направление, объединившее множество исследований, которые сформировали четыре основных направления критической геополитики¹³: практическая геополитика (изучение географических и политических представлений/рассуждений в их практической реализации), формальная геополитика (изучение географического и исторического контекстов, в которых появились и развивались конкретные политические, географические и стратегические идеи),

¹² Ó Tuathail G. Understanding critical geopolitics: Geopolitics and risk society // Journal of strategic studies. – Florence, 1999. – Vol. 22, № 2/3. – P. 107-124.

¹³ Dodds K. Political geography III: Critical geopolitics after 10 years // Progress in human geography. – London, 2001. – Vol. 25, № 3. – P. 469-484.

популярная геополитика (воздействие геополитического образа на массовую культуру – формирование в обществе геополитических стереотипов), структурная геополитика (влияние глобализации, информатизации и экономических преобразований на государственное управление).

Однако, помимо определенных теоретических достоинств, критическая геополитика обладает существенными недостатками. Во-первых, недостаточное внимание уделяется неевропейским геополитическим представлениям и формам правления. Во-вторых, было выявлено, что в англоязычной критической геополитике практически не затрагивалась постколониальная проблематика, опыт постколониальных территорий критическая мысль не учитывались вообще. В-третьих, несмотря на уверения в обратном со стороны приверженцев критической геополитики, государство не отступает на второй план перед лицом глобализации. В-четвертых, критическая геополитика не включает в сферу своих интересов военную и стратегическую области. В-пятых, в рамках критической геополитики проводится недостаточно этнографических исследований, в том числе и посвященных тому, как геополитические концепты проникают или формируются в сознании населения. Например, как формируются так называемые «воображаемые сообщества», т.е. как происходит идентификация определенного национального опыта и, как следствие, причисление себя к сообществу, члены которого обладают этим признаком. Таким образом, по словам Линде-Лорсен, история «территориализируется», а территория – «историзуется»¹⁴. Помимо прочего, критическая геополитика должна отражать отношения между географическими представлениями официальных лиц (практиков государственного управления), представителей науки и интеллигенции и массовыми представлениями, а также результат их взаимодействия с массовой культурой.

Однако, следует отметить, что критическая геополитика незаслуженно недооценивает достижения традиционного подхода и нередко при критике упрощает его основные положения, что способствует еще большему конфликту двух направлений (хотя, развитию науки способствовала бы скорее конвергенция подходов); что она уделяет излишне большое внимание дискурсу и наоборот, недостаточное – процессу принятия решений. Таким образом, сегодня можно уже говорить о переходе западной геополитики к новой фазе своего развития – посткритической, в которой традиционный предмет геополитики (география международных отношений) уже рассматривается с учетом критики детерминистских представлений, получившем развитие в критической геополитике. Важным

¹⁴ Linde-Laursen A. Small differences – large issues: The making and remaking of a national border // South atlantic quarterly. – Duke, 1995. – Vol. 94. – P. 1123.

методологическим новшеством посткритической геополитики становится отказ от построения универсальных концепций геополитического устройства мира и переход к глубинному анализу пространственных факторов, определяющих развитие политических процессов.

В российской геополитической мысли методология послойного анализа пространства с целью выведения закономерностей политических процессов, происходящих в рамках данного пространства, т.е. посткритический подход к анализу пространственно-политических взаимозависимостей, была предложена М.В. Ильиным¹⁵. По мнению М.В. Ильина, политические системы разного типа (прежде всего различных размеров и сложности) актуализируются в адекватной им реальности географического пространства, что предполагает либо различное использование постоянных факторов геореальности, либо их преобразование, либо же создание антропогенных факторов геореальности. Таким образом, политические системы осваивают те географические ниши и таким образом, как это делает возможным накопленный организационный потенциал. Сами по себе ниши или пространства политической актуализации вычленяются на основе анализа размежеваний в различных структурах или «слоях» географической среды.

М.В. Ильин выделил следующие слои геополитической структуры: геоморфологический, гидрологический (бассейновые разграничения), природно-климатический, демографический (популяционные ареалы и конфигурация расселения), экономический (хозяйственная и транспортная инфраструктура) и инфраструктурный (коммуникационная и организационная инфраструктура). В работе выявляются ведущие пространственные факторы развития микросоциальных и территорий Океании, на основе анализа размежеваний в «слоях» географической среды.

Формирование государственности в Океании опосредовано наличием противоборствующих начал: колонизации и либерализации (происходившей, как правило, на фоне деколонизации). По наблюдению Стефарда Фирта, чем выше была стратегическая ценность островной территории, тем меньше - вероятность ее превращения в самостоятельную суверенную единицу¹⁶. Так, Новая Каледония и Гуам, одни из наиболее развитых территорий Океании, до сих пор остаются колониями. Страны Океании и сегодня

¹⁵ Ильин М.В. Геохронополитические членения (cleavages) культурно-политического пространства Европы и Евразии: сходства и различия // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. – М.: МОНФ, 1999. Ильин М.В. Российский Дальний Восток в геополитической системе координат Азиатско-Тихоокеанского региона // Россия и Корея в меняющемся мире. – М.: МОНФ, 1997

¹⁶ Firth S. Sovereignty and independence in the contemporary Pacific // The Contemporary Pacific. – Honolulu, 1989. – N 1. – P. 75.

стремятся совместить ориентацию на демократическое развитие по западным образцам с сохранением самобытности, вплоть до политики изоляционизма, а океанийцы зачастую изображаются народами, «опоздавшими» к включению в глобальные мировые тренды¹⁷.

Огромной проблемой политического развития стран Океании было отсутствие необходимой инфраструктуры, либо несоответствие имеющейся инфраструктуры постколониальному периоду развития. Зачастую острова представляли собой структуры с ограниченными ресурсами и столь же ограниченной территориальной досягаемостью. Становление государственности сопровождалось большими проблемами в тех странах, где значимые культурные и лингвистические размежевания препятствовали формированию общегосударственной идентичности (Соломоновы острова, Вануату). Сложности возникали также там, где сохранилась большая численность переселенцев из Европы и Азии. Например, в Фиджи существовали противоречия между автохтонным населением и эмигрантами из Индии, которые составляли около 40% жителей острова. Но даже в таких культурно однородных образованиях, как Самоа, политическая жизнь традиционно продолжает развиваться на локальном уровне, а становление централизованной государственной власти наталкивается на ряд объективных трудностей.

Государственность для Океании стала не причиной политических изменений, а их следствием. Из скудного арсенала доступных характеристик и атрибутов государственности океанийцы вынуждены были выбирать те, на основании которых можно было быстрее сформировать легитимную власть. При этом определяющим оказалось влияние пространственных факторов развития этих территорий. Несмотря на разницу в значении отдельных факторов для конкретных стран региона, в целом можно сделать вывод о том, что в Океании политическое развитие обуславливается влиянием групп пространственных факторов: физико-географических (водные течения, геоморфология, климат, направление ветров, ландшафт), этно-географических (характер расселения, миграции, расовая и этническая территориальная дифференциация и территориальная дифференциация автохтонного и неавтохтонного населения), экономико-географических (территориальная дифференциация природных ресурсов, типа хозяйствования, размещения конкурентоспособных отраслей и отраслей обладающих экспортным потенциалом, промышленности и инфраструктуры), социально-географических (внешняя экспансия, влияние колонизации и глобализации, территориальная дифференциация самоидентичности и социального уклада) и политико-географических (территориальная дифференциация по

¹⁷ Robie D. Blood on their banner: nationalist struggles in the South Pacific. – L.: Zed Books, 1989. – P. 23.

форме правления, форме политико-территориального устройства и форме государственного режима, потенциалу конфликтности и интеграции). Влияние последних пока, в силу отсутствия длительной традиции самостоятельной государственности, не очень велико, однако оно неуклонно возрастает.

Государственность стран Океании в целом в настоящее время развивается под влиянием следующих трех групп дихотомических факторов: существованием импортированных политических институтов, культуры и требованием либерализации политической сферы, с одной стороны, широких возможностей для микросоударств, предоставляемых глобализацией, и необходимостью формирования собственных идентичностей, – с другой, и потребностью в равноудаленности от различных центров силы региона – США, Китая, Японии, Австралии, – с третьей.

Во **второй главе** «Модель влияния пространственных факторов на развитие микросоударств и территорий Океании» систематизируются знания о моделировании как методе исследования пространственных факторов развития государства, формализуется модель влияния пространственных факторов на развитие микросоударств и территорий Океании посредством анализа выделенных в результате экспертизы взаимозависимостей между пространственными факторами развития государства и осуществляется верификация данной модели за счет сопоставления ее с существующими индексами развития государства.

Начальный этап моделирования представляет собой комплексный анализ взаимодействия выделенных в первой главе факторов и их сравнение через определение характера их взаимообусловленности. В ходе работы были проэкспертированы 30 специалистов в различных аспектах политической географии и геополитики. Экспертам была предложена таблица взаимообусловленности пространственных факторов развития государства. Влияние каждого фактора на другой оценивалось в диапазоне от 0 до 4: 0 – отсутствие влияния, 1 – наличие слабо артикулированного влияния, 2 – наличие среднее артикулируемого влияния, 3 – наличие значительно артикулируемого влияния, 4 – определяющее влияние данного фактора на оцениваемый.

В работе используются три параметра оценки фактора: объясняющая сила фактора, операционализируемая через общую сумму исходящих связей, степень обуславливаемости другими факторами, операционализируемую через общую сумму входящих связей и, наконец, общая проявленность фактора на фоне остальных (общее количество входящих и исходящих связей). Подобные значения определены как для каждого фактора в отдельности, так и для групп факторов (см. табл. 1).

Таблица 1.

Группа факторов	Общая сумма связей	Объясня- ющие	Обуслов- ленные	Отношение объясня- ющих факторов к обусловленным
Физико- географические	246	161	85	1,9
Этнографические	344	154	190	0,81
Экономические	598	304	294	1,03
Социальные	308	144	164	0,88
Политические	380	175	205	0,85

Анализ результатов экспертизы позволил сделать следующие выводы. Во-первых, наиболее значимыми в смысле взаимосвязи с другими факторами являются экономические факторы. Категории экономического блока во многих случаях являются основаниями для процессов, происходящих на других уровнях, и в то же время опосредуются ими. Во-вторых, по общей сумме и интенсивности связей физико-географические факторы количественно являются наименее значимыми. Но из этого отнюдь не следует вывод об их незначимости. Соотношение объясняющих факторов к обуславливающим по физико-географическому фактору значительно превышает 1, тогда как большинство факторов остались в пределах от 0 до 1. То есть, анализ физико-географических факторов дает существенно больше информации, которую можно использовать в последующих моделях и прогнозах, нежели для описательности тех или иных явлений, сопутствующих развитию микросообществ Океании. Наконец, в-третьих, этнографические, социальные и политические факторы оказались близки друг другу по критерию отношения объясняющих факторов к обуславливаемым. В каждом из случаев этот показатель оказался меньше единицы, что дает нам основание относить данные группы факторов к числу детерминирующихся.

Таким образом, уместно разделить пять групп рассмотренных факторов по критерию степени влияния на развитие процессов в Океании на три группы: объясняющие, детерминирующиеся и переходные – т.е. те, степень соответствия объясняющего и объясняемого компонентов которых, стремится к единице (+/- 0,05)). К первым будут относиться факторы физико-географической группы, ко второй – политические, этнографические и социальные факторы, а в третью будут входить соответственно экономические факторы.

Модель будет представлять собой многослойную структуру, где каждый предыдущий (нижний) уровень будет объяснять последующий (верхний). При этом факторы, лежащие на одном уровне, могут быть и чаще всего будут взаимозависимы. Также

взаимозависимость будет проявляться у тех групп факторов, которые близки друг к другу количественно по объяснительной силе (этнографические, социальные, политические). Однако верхний уровень не может объяснять нижний, тогда как нижний может объяснять не только последующий за ним, но и любой из верхних (см. рис. 1).

Государства Океании, будучи локализованными в одном территориальном континууме и развивающиеся в сходных условиях, оцениваются совершенно различным образом. Применительно к целям нашего исследования это значит, что представленная модель пространственно-территориальных факторов развития будет более четко прослежи-

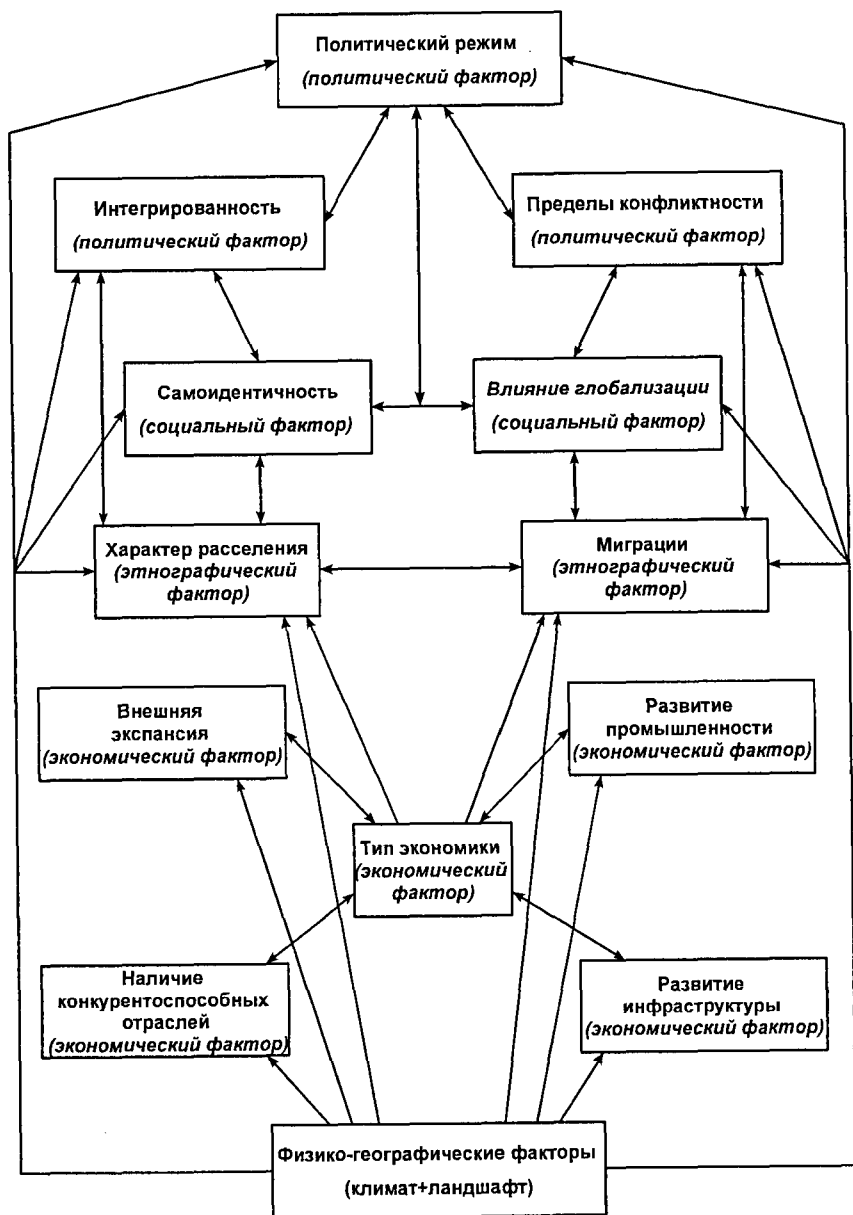

Рисунок 1

ваться в государствах с высокими показателями развития, тогда как не столь артикулированной будет в более слабых государствах.

Для подтверждения этого в работе проводится анализ показателей Океании в различных индексах развития (индексы проекта «Политических атлас современности», ПРООН, Гурра и Бертельсмана) а также интерпретация результатов кластерного анализа государств, проведенный в «Политическом атласе современности»¹⁸. Анализ показал, что наиболее объясняющими для оценки развития государств Океании являются показатели государственности, демократизации и качества жизни. Кластерный анализ показал, что больше половины государств Океании при 40-кластерном масштабе оказались в двух кластерах – 13-ом и 17-ом, причем данные кластеры образуют единую «семью» при группировке в 30-кластерном масштабе. В этой связи представлялось важным проанализировать представителей этих двух главных океанических кластеров. Еще два кластера можно считать простыми для логического объяснения – это кластер 2 с несостоявшимися государствами и государствами с серьезными проблемами с государственностью, куда попало Науру, и класс 23 с островными микространствами с Самоа, по-видимому, схожий с основными океаническими кластерами. Особый интерес представляют также 27-ой и 37-ой кластеры, объединяющий Тонга с Иорданией (дуалистические монархии) и Фиджи с Монголией. Именно анализ роли пространственных факторов в развитии «типичных» государств Океании 13-го и 17-го кластеров (Палау и Тувалу соответственно) и «нетипичных» 27-го и 37-го (Тонга и Фиджи) посвящен следующий этап верификации модели.

Говоря о модели, необходимо определить границы ее применения. Несмотря на то, что гипотетически общие положения модели носят универсальный характер, в работе была проведена верификация модели только на микространствах и территориях Океании на современном этапе их развития (после волны обретения независимости в 60-70 гг. XX в.). Модель предполагает сравнение соразмерных государств, располагающих в относительно схожих географических условиях и существовавших в одну эпоху. Модель применима при качественном анализе влияния широкого спектра пространственных факторов на развитие политики, и в значительно меньшей степени объясняет влияние отдельных факторов.

В третьей главе «Характерные случаи влияния пространственных факторов на развитие микространств и территорий Океании» рассматривается, как полученная модель реализуется в различных типовых микространствах Океании: Фиджи, Тонга, Тувалу и Палау.

¹⁸ Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / Мельвил А.Ю., Ильин М. В., Мелешкина Е. Ю. и др. – М.: МГИМО, 2007.

Фиджи. Проведенный анализ показывает, что модель пространственных факторов Фиджи оказывается несколько более сложной, по сравнению с разработанной нами исходной исследовательской моделью. В условиях Фиджи можно говорить о наличии прямого взаимного влияния этнографического фактора «автохтонное/неавтохтонное население» и политического фактора «политический режим».

Данная корреляция связана с тем, что при обострении отношений между автохтонным (фиджийцы) и неавтохтонным (индийцы) населением происходили военные перевороты, в результате которых в основополагающий документ страны (Конституцию) вносились изменения политического характера (изменение избирательной системы и т.п.).

В рамках кейса Фиджи можно говорить о проявлении выведенного нами в исходной модели детерминирующего характера такого этнографического фактора как «миграция». В случае Фиджи речь идет о внешней миграции индийского населения на острова. Как было нами отмечено, индийская миграция в Фиджи носила исторический характер и, в значительной степени, обусловила становление политической системы этой страны.

В этом плане применительно к Фиджи можно говорить о том, что этнографический фактор миграции оказал самое непосредственное влияние как на социальный фактор самоидентификации фиджийской нации, так и на политический фактор интегрированности фиджийского общества. Подобное положение дел в условиях Фиджи связано с тем, что диаспора индо-фиджийцев оказывает непосредственное влияние на демографическую структуру, этнический и конфессиональный состав страны.

В данном случае мы имеем дело с проявлением выделенного нами в рамках исследовательской модели такого физико-географического фактора как климат. Фактор климата в условиях Фиджи связан с влиянием разрушительных циклонов. В условиях Фиджи, обладающих достаточной территорией, людскими и научными ресурсами, данная особенность приводит к развитию технологий по своевременному предупреждению о начале ураганов. То есть речь идет о развитии технологического сектора экономики. Иными словами подтверждается корреляция между физико-географическими особенностями страны и ее экономикой.

Экономический фактор «развитие транспортной инфраструктуры» в условиях казуса Фиджи в значительной степени обусловлен особенностями такого базового физико-географического фактора как ландшафт. Плодородие почв, наличие полезных ископаемых, а также наличие в стране не только добывающей, но и обрабатывающей промышленности и

инфраструктуры туризма и сектора услуг способствует тому, что экономика Фиджи принадлежит к типу экономики среднего уровня дифференциации.

Применительно к Фиджи следует говорить о проявлении детерминирующего влияния комплекса социальных и географических факторов. Собственно этнографические факторы, обозначенные в модели как «характер расселения», принципиального значения не имеют. При этом в основе противоречий индийцев и фиджийцев лежат не только и не столько этнокультурные противоречия, сколько противоречия социально-экономические, лежащие в основе вопросов собственности и коммерции на территории страны. Как нами было проиллюстрировано, именно индийское население Фиджи контролировало основные отрасли сферы услуг в стране. Таким образом, можно говорить о специфической именно для Фиджи ситуации корреляции экономического фактора «тип экономики» и социального фактора «самоидентификации».

На протяжении последних 20-ти лет политический процесс на Фиджи можно охарактеризовать как в высокой степени нестабильный. Подобная политическая особенность непосредственным образом отражается на экономическом положении дел в стране, а, следовательно, и на качестве жизни населения. Этим можно объяснить тот факт, что Фиджи отстают от Тонга и Палау по индексу качества жизни. На Фиджи этот показатель – 2,18, в Тонга – 2,29, в Палау – 2,76.

Исследователями «Политического атласа современности» была выявлена корреляция между индексами «качество жизни» и фактором «институциональные основы демократии». В данном случае данная корреляция в рамках модели пространственных факторов Фиджи не находит своего подтверждения. В частности, по уровню институциональных основ демократии республика Фиджи находится на 70-м месте в общем рейтинге стран ООН (5,83), а монархия Тонга находится только на 170-м месте (1,31). Иными словами, институциональные основы демократии Фиджи выше, чем в Тонга.

Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на наличие политических переворотов и нестабильный политический процесс, в Фиджи, в отличие от Тонга, сохраняется высокий уровень политической конкуренции. Эту конкуренцию можно проиллюстрировать тем, что после получения Фиджи независимости, у власти находились коалиционные правительства как индийской, так и фиджийской ориентации. Кроме того, на островах Фиджи имеется весьма развитая партийная система, которая де-факто отсутствует во всех других рассматриваемых нами государствах.

В отличие от Тувалу, где роль традиционных институтов в значительной степени сведена исключительно к религиозной, в связи с Вестминстерской системой, на Фиджи такой традиционно сложившийся институт, как Большой совет вождей непосредственно включен в политический процесс. Именно Большой совет вождей осуществляет избрание президента страны. То есть в модели пространных факторов Фиджи следует особым образом отметить влияние на политический режим политического фактора «традиционных институтов».

Тонга. Модель пространственных факторов в Тонга можно представить следующим образом: в большей степени совокупность значимых для государства пространственно-территориальных факторов и их взаимодействие в Тонга повторяют общестрановую модель, представленную во второй главе нашего исследования.

Мы посчитали важным остановиться на рассмотрении тех государств, которые более всего выделяются по различным индексам, взятым в фокус исследования. Для выбора Тонга ключевым стал индекс качества жизни, по которому, согласно расчетам исследования «Политический атлас современности», Тонга занимает первое место среди государств Океании и 66 суммарно в перечне стран ООН.

С другой стороны, по критерию институциональных основ демократии, а также по индексу внешних угроз Тонга занимает последнее место среди океанийских государств. Встает вопрос – в какой степени это можно объяснить пространственными факторами и каким образом происходит трансформация модели влияния пространственных факторов на развитие государства в случае Тонга. Сравнивая модель пространственно-территориальных факторов Тонга, и модель, характерную для большинства государств Океании, мы можем отметить следующее.

Во-первых, модель сохраняет свой базовый вид, большинство основных элементов и характерные для них формы связи и взаимовлияния. Сохраняется уровень влияния групп факторов и степень их взаимообусловленности друг другом. При этом существует и доля различий, обусловленная страновой спецификой.

Так, наиболее значимыми факторами физико-географического уровня для Тонга оказались геоморфологические и климатические особенности, которые обусловили тип экономики и его сельскохозяйственную специализацию. Тип экономики является ключевым фактором экономического блока, который в совокупности с перспективами развития ресурсодобывающей отрасли и формированием конкурентоспособных отраслей как фактора диверсификации экономики формируют экономический базис и влияют на социальную, политическую и этническую сферы.

Этнографические и экономические факторы в случае Тонга демонстрируют устойчивую взаимозависимость. Наиболее значимыми из этнографических факторов оказались характерный для общестрановой модели параметр миграций и более проявленный в Тонга параметр соотношения автохтонного и неавтохтонного населения в связи с выше описанными особенностями этнического состава населения страны.

Социальные факторы являются для Тонга особо значимыми и представлены в модели большим числом параметров, в отличие от общестрановой схемы. Так, помимо самоидентичности и глобализации, для данного государства валидным является категория соотношения индивидуализма и коллективизма. Наконец, специфика Тонга заключается и в том, что вместо фактора политического режима более значимым является форма правления. Традиции монархического устройства настолько сильно укрепились в общественном сознании, что опыт монархического устройства, сопровождающего весь исторический путь развития государства, безусловно, детерминируют другие общественные процессы и оказывают опосредованное влияние на другие политические составляющие.

Тувалу. «Политический атлас современности» фиксирует чрезвычайно высокий уровень Тувалу по индексу институциональных основ демократии (7,33). В связи с этим можно говорить о наличии фундаментальных факторов, повлиявших на формирование демократии в этой стране. Главным образом, это факторы внешней экспансии, связанные с периодом колонизации. Речь идет о том, что Тувалу не становился полноценной колонией таких авторитарных империй как Испания, Германия. Тем не менее, Тувалу, стал протекторатом, а затем колонией Великобритании, Тувалу в значительной степени воспринял от нее ряд важнейших атрибутов английской политической системы.

В контексте рассмотрения влияния фактора глобализации следует сказать, что последний оказал непосредственное влияние на развитие нормативно-правовой системы Тувалу, регулирующей общественные отношения в этой стране. Данный фактор рассматривается нами как значимый. Нормативно-правовые заимствования из правовой системы Великобритании способствовали тому, что в обычное право Тувалу были внесены изменения, призванные защитить права человека. В частности, в Тувалу было отменено такое требование обычного права как изгнание человека с острова посредством отправки его на каноэ в океан. Кроме того, Тувалу в рамках сотрудничества с ООН, эта присоединилось к Уставу ООН и Всеобщей декларации прав человека. Кроме того, Тувалу ратифицировало два международных договора о правах человека: Конвенция о ликвидации всех форм

дискриминации в отношении женщин и Конвенцию о правах ребенка. Тем самым Тувалу активизировал социально-правовое сближение с демократическими государствами.

В конституции страны существует положение, направленное против практики, которая «вносит раскол, или провоцирует волнения, или явления оскорбительные для людей, или же непосредственно угрожает ценностям и культуре жителей Тувалу». Тем не менее, и здесь дается отсыл к демократической системе власти. Действия правительства, направленные на защиту порядка и культуры народа Тувалу должны быть «разумными и оправданными в демократическом обществе».

Применительно к кейсу Тувалу можно говорить о том, что традиционные институты, существующие в стране, на сегодняшний день де-факто не оказывают существенного влияния на политику. Деятельность традиционных вождей в Тувалу сосредоточена на функционировании Церкви Тувалу, они являются ее членами.

Применительно к Тувалу можно говорить о низком уровне индекса государственности (2,05) и индекса потенциала международного влияния (0,00). Следует сказать, что по последнему показателю Тувалу занимает последнее место из 192 стран мира. Тем не менее, подобные показатели по кейсу Тувалу в большей степени связаны не с высоким уровнем развития демократии в стране, а с влиянием физико-географических факторов (низкое количество минеральных веществ в почвах, потеря земель в результате глобального потепления) и экономико-географических факторов (отсутствие обрабатывающей промышленности).

Отрыв Тувалу по индексу качества жизни от таких государств как Тонга и Палау чрезвычайно высок. Если Тонга в общем рейтинге занимает 66 место (2,79), Палау – 67 место (2,76), то Тувалу находится лишь на 147 месте (1,09). Фиджи по данному показателю занимает примерно срединное положение, находясь на 102 месте (2,18). Данный показатель также детерминирован геоморфологическими и экономико-географическими особенностями страны.

В контексте социального фактора «самоидентичности» кейс Тувалу позволяет говорить о достаточно высоком уровне этнической, конфессиональной и культурной гомогенности. Следует также отметить, что миграционные процессы в связи с незначительностью территории Тувалу и достаточно густой заселенностью этого микросообщества в целом препятствуют масштабной миграции неавтохтонного населения. При этом та миграция, которая носила исторический характер, не привела к возникновению межэтнических, межконфессиональных либо межкультурных конфликтов. Наоборот, эта

миграция способствовала формированию единого тувальского народа. Указанные выше факторы гомогенности населения и отсутствия масштабной миграции способствуют снижению конфликтности общества и государства Тувалу.

При этом латентным фактором конфликтности может стать низкий уровень жизни и экономическая слабость, которые характерны для Тувалу и обусловлены не столько политическими причинами, сколько географическими, природными и климатическими особенностями этого микрогосударства.

Экономическая слабость Тувалу обусловлена как особенностями геоморфологического фактора (дефицит плодородных почв, дефицит полезных ископаемых, низкое расположение островов над уровнем моря), но и фактором дефицита высококлассных специалистов, приток которых в Тувалу минимален вследствие низкого уровня внешней миграции.

Палау. Как и в случае с Тонга, в случае Палау можно говорить о том, что модель пространственных факторов этой страны в значительной степени повторяет ту общестрановую модель, которая была разработана нами во второй главе работы. По данным «Политического атласа современности» Палау находится на втором месте после Тонга по индексу качества жизни и занимает 67 место в общем перечне стран ООН. Это обусловлено схожестью типов экономик двух стран. Эти экономики более развиты, чем экономика Тувалу, однако, менее диверсифицированы, по сравнению с экономикой Фиджи. Кроме того, как Палау, так и Тонга не испытывают такой чрезмерной перенаселенности, как Тувалу.

Проведенный анализ позволяет говорить о том, что на развитие государственности в Палау в наибольшей степени оказывают влияние внешние воздействия. В интерпретации нашей исследовательской модели в данном случае имеется в виду социальный фактор «внешней экспансии». Исторически внешнее влияние было связано с присутствием на островах колониальных администраций, а сегодня оно связано с особым статусом политических взаимоотношений с США.

Как политический режим, так и ныне существующая в Палау экономическая модель в значительной степени были сформированы в результате активных внешних воздействий. Демократическая политическая система обусловлена сохраняющимся на протяжении второй половины 20 – начале 21 века прямого и косвенного влияния США.

Глобализационное влияние связано главным образом с развитием туристического бизнеса в Палау, активным участием этого микрогосударства в функционировании региональных политико-экономических организаций.

При описании политического режима Палау, также как и в случае с Тувалу можно говорить о таком уточняющим параметре в модели как «традиционные институты», который здесь продолжает сохранять значимость.

Достаточно высокий уровень стабильности политического режима Палау складывается из влияния выделенных в нашей исходной исследовательской модели политических факторов: высокой интегрированности общества, а также низкой конфликтности. Интегрированность общества обусловлена достаточно высоким уровнем этнической гомогенности. Подобный низкий уровень конфликтности связан также с отсутствием объективного раскола между палауанцами и филиппинцами.

Отсутствие такого раскола можно объяснить тем, что Филиппины (общая региональная идентичность) - государство одного региона с Палау, а также тем, что филиппинцы, проживающие в Палау, являются католиками (то есть христианами, как и большинство палауанцев). Кроме того, между палауанцами и филиппинцами остро не стоит проблема отношений собственности. Все эти параметры прямо противоположны той конфликтотенной ситуации, которая характерна для Фиджи (фиджийцы и индийцы) и в меньшей степени характерны для Тонга (тонганцы и китайцы).

Следует отметить, что этнографический фактор миграции в случае Палау также непосредственного влияния на политический режим страны не оказал. То есть в данном случае наша исходная исследовательская модель находит свое подтверждение.

Факторы финансово-экономической и военно-политической зависимости Палау от США приводят к тому, что, несмотря на свои более выгодные физико-географические особенности и достаточно высокий уровень качества жизни, данная страна по индексу международного влияния находится на том же уровне, что и Тувалу. Индекс Тувалу и Палау по данному рейтингу составляет 0,00. Тувалу, как мы уже отмечали, характеризуется гораздо более скромными физико-географическими и социально-экономическими ресурсами, нежели Палау. В Тонга мы наблюдаем показатель - 0,01, а у Фиджи - 0,02.

При этом можно говорить о том, что при низком индексе государственности, по уровню внешних и внутренних угроз Палау находится в более выгодном положении. Данный тезис можно проиллюстрировать следующими показателями. По индексу внешних и внутренних угроз Палау находится на 73 месте среди современных государств (4,74). По этому показателю Палау опережает Тувалу (4,04), Фиджи (3,77), а также Тонга (2,44). Тувалу в данном рейтинге «Политического атласа современности» находится 86 месте, Фиджи – на 94 месте, Тонга – на 135 месте. В этом плане можно говорить о том, что Палау пользуется

достаточной защищенностью. Главным образом, эту защиту обеспечивают Соединенные Штаты. Подобное состояние защищенности, по-нашему мнению, также способствует стабильности демократического политического режима в Палау.

Микросоударства и территории Океании, локализованные в одном территориальном континууме и развивающиеся в сходных условиях, сильно различаются по уровню своего развития (заключающемся, в первую очередь, в улучшении качества жизни, государственной состоятельности и институциональных основах демократии), при этом более развитыми являются государства, в которых ярче представлена описанная выше иерархия взаимозависимостей, т.е. физико-географические факторы являются фундаментальными, экономико-географические – ключевыми определяющими, а этно-географические, социо-географические и политико-географические – детерминированными.

Отставания в развитии в Океании связаны с отличным от смоделированного оптимального характера взаимодействия между факторами. Так, на Фиджи выделяются факторы территориальной дифференциации автохтонного и неавтохтонного населения и политического режима, которые становятся детерминирующими для всей системы факторов. В Тонга модель в общем виде совпадает с процессами, однако, при наличии модельных связей несколько снижена их восприимчивость политической системой, что также определяет некоторое отставание государства. В Тувалу связи прослеживаются, однако снижена их интенсивность по сравнению с другими государствами региона. Связи между факторами не столь прочные, за счет чего страна преуспевает в показателях развитости политической системы, однако, отстает по показателям качества жизни и государственной состоятельности. Максимально модельные взаимодействия реализуются в Палау, что обеспечивает некоторое преимущественное развитие данной страны по сравнению с остальными. При рассмотрении качества развития микросоударств и территорий Океании важно заметить, что данные страны и территории образуют собственную замкнутую геополитическую систему, которая создает внутренние территориально дифференцированные взаимозависимости между самими образованиями и между системой и остальным миром, делая пространственные аспекты развития ведущими по отношению к другим.

В заключении автор излагает основные результаты проведенного исследования и формулирует выводы, определяющие направления дальнейшего изучения проблемы.

В приложениях размещена форма экспертного опроса, проведенного в работе (приложение 1), и дан список ученых, принявших участие в экспертизе (приложение 2),

включающий 30 ведущих специалистов из России (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Воронеж, Пермь, Челябинск, Якутск, Владивосток), Великобритании, Испании, Румынии, Израиля, Тайваня и Перу. Экспертный опрос проводился среди докторов и кандидатов политических, социологических, философских, исторических, географических и экономических наук. Ядро пула экспертов составили члены Исследовательского комитета по геополитике и безопасности Российской ассоциации политической науки и Исследовательского комитета по геополитике Международной ассоциации политической науки.

III. Положения, выносимые на защиту

1. При выделении пространственных факторов, обуславливающих политическое развитие определенных регионов или стран, необходимо выявлять линии размежевания, в первую очередь, на геоморфологическом, гидрографическом, климатическом, демографическом, экономическом и инфраструктурном уровнях. Исследования роли пространства в политических процессах должны основываться на анализе широкого спектра пространственно обусловленных факторов влияния на политические процессы. Для исследований подобного рода наиболее подходит методология качественного сравнительного исследования.
2. Группой факторов, оказывающей наибольшее влияние на другие, является группа экономико-географических факторов, т.к. данная группа факторов связана с наибольшим количеством аспектов развития государства, оказывает наибольшее влияние на другие факторы и детерминируется наибольшим числом факторов.
3. Группу физико-географических факторов можно считать базовой, поскольку в ней прослеживается наивысшее отношение объясняющих к обуславливающим факторам, т.е. данная группа факторов оказывает наибольшее фундаментальное влияние на другие факторы и, следовательно, на развитие государства.
4. Группы пространственных факторов выстраиваются в пирамиду влияния пространства на развитие государства, в которой внизу находятся физико-географические факторы, не подверженные изменениям со стороны других факторов и оттого являющиеся фундаментальными, за ним следуют экономико-географические факторы, обуславливающие максимальное число других факторов, но в то же время зависимые от большинства факторов, т.е. являющиеся ключевыми, и далее на

вершине пирамиды находятся соответственно этно-географические, социо-географические и политико-географические факторы, которые являются наиболее детерминированными другими группами факторов.

5. Микросоударства и территории Океании, локализованные в одном территориальном континууме и развивающиеся в сходных условиях, вопреки распространенному мнению, сильно различаются по уровню своего развития. Более развитыми являются микросоударства и территории Океании, в которых ярче представлена иерархия взаимозависимостей, при которой физико-географические факторы являются фундаментальными, экономико-географические – ключевыми определяющими, а этно-географические, социо-географические и политико-географические – детерминированными.
6. Отставание в развитии, как показало исследование отдельных характерных примеров развития микросоударств Океании, может быть вызвано доминированием влияния отдельного фактора на политическое развитие (Фиджи), невосприимчивостью политической системы к пространственным факторам развития (Тонга) или слабой интенсивностью взаимовлияния пространственных факторов развития (Тувалу).
7. Микросоударства и территории Океании образуют замкнутую геополитическую систему, которая создает внутренние территориально дифференцированные взаимозависимости между самими образованиями и между системой и остальным миром, делая пространственные аспекты развития ведущими по отношению к другим.

IV. Основные доклады на конференциях и публикации по теме работы

Доклады на конференциях:

1. Центростремительные и центробежные силы на политической карте мира. V Конвент РАМИ, Москва, 26-27 сентября 2008 г.
2. Проблемы государственности в Океании. Конференция кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России «Государства и их соперники в мировой политике», Москва, 17 ноября 2008 г.
3. Federalism as an approach to the resolution of territorial conflicts. International boundary research unit, Durham, UK, April 1-3, 2009.

4. Youth leadership as a resource of state development. XXI International Political Science Association World Congress, Santiago, Chile, July 12-16, 2009.
5. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики. V Всероссийский конгресс политологов, Москва, 20-22 ноября 2009 г.
6. Размер государства и уровень развития демократии. VI Конвент РАМИ, Москва, 24-25 сентября 2010 г.
7. A geopolitical image of the world: centripetal and centrifugal forces. Moscow Conference on Geopolitics "Connecting geography to politics: 21st century issues and agendas", International Political Science Association Research committee on Geopolitics (RC 41), Moscow, October 29-30, 2010.
8. Пространственные факторы государственной состоятельности в Океании. Конференция кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД России «Параметры государственной состоятельности: сравнительная социальная политика, общественные блага, государственные институты», Москва, 17 ноября 2010 г.
9. Statehood and stateness in small states. VI European Consortium for Political Research General conference, Reykjavik, Iceland, August 24-27, 2011.

Опубликованные работы, отражающие основные научные результаты работы:

1. Окунев И.Ю. Центростремительные и центробежные силы на политической карте мира // Космополис. – 2008. – № 1. – С. 172–179. – 0,4 п.л.
2. Окунев И.Ю. Разнообразие политических систем островных государств // Политическая наука. – 2008. – № 4. – С. 236–253. – 1,0 п.л.
3. Окунев И.Ю. Реализация принципов политико-территориального устройства на различных уровнях политической карты // Политические процессы в России и в мире: Взгляд молодых политологов / Отв ред: К.П. Кокарев. – М.: РАПН, РОССПЭН, 2009. – С. 7–22. – 0,9 п.л.
4. Окунев И.Ю. Стэнфордская модель кризиса развития // Полис. – 2009. – № 3. – С. 136–146. – 0,6 п.л.
5. Окунев И.Ю. Географическое воображение как предмет исследования критической геополитики // Политическая наука. – 2009. – № 4. – С. 126–137. – 0,7 п.л.

6. Окунев И.Ю. Размер государства и уровень развития демократии // Страны-гиганты: проблемы территориальной стабильности: сборник докладов / Под. ред. И.М. Бусыгиной, Л.В. Смирнягина, М.Г. Филиппова. – М.: Издательство МГИМО (У) МИД России, 2010. – С. 51–60. – 0,6 п.л.
7. Окунев И.Ю. (в соавторстве) Пространственные факторы государственной состоятельности в Океании // Политическая наука. – 2011. – № 2. – С.163-176. – 0,8 п.л.
8. Okunev I. Political and geographic aspects of stateness (analysis of microstates experience) // International journal of humanities and social science. –2011. – Vol. 1, No. 13. – P 247-251. – 0,5 п.л.
9. Окунев И.Ю. Политико-географические аспекты государственности (анализ опыта микросоударств) // Политическая наука. – 2011. – № 4. (в печати) – 0,5 п.л.

Тираж 100 экз. Заказ № 602.

Издательство «МГИМО-Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО(У) МИД России
117218, Москва, ул. Новочеремушkinsкая, 26